

- **Сущность санкций в советском праве.**
Базылев, Б. Т.

Б. Т. БАЗЫЛЕВ,

кандидат юридических наук

СУЩНОСТЬ САНКЦИЙ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

Специальная научная терминология в отличие от бытовой, общеупотребительной, должна быть в высшей степени дифференцированной. Очевидно также, что дифференциация терминов производна от дифференциации обозначаемых ими научных понятий. Понятийный аппарат науки — это ее инструментарий. Чтобы наука могла решать проблемы, которые ставит перед ней жизнь, практика, она должна обладать достаточным набором точных научных понятий.

«Вопрос о санкциях правовых норм в той или иной степени затрагивался почти во всех трудах по вопросам права, — писал О. Э. Лейст более десяти лет тому назад, — тем не менее многие стороны этого вопроса еще не получили достаточно полного освещения. В литературе нет единства в вопросе о самом понятии санкции правовой нормы».¹ К сожалению, ничего не изменилось и на сегодняшний день. Между тем выработка четкого понятия санкции имеет для правовой науки не только терминологическое, но и важное методологическое значение.

Советское право обладает весьма сложной структурой,² которая, в частности, определяется функциональной специализацией его норм, институтов и отраслей как основных структурных подразделений. Так, часть нормативных предписаний, объединяемых в институты, выполняет охранительные функции, защищая регулятивные нормы, институты и отрасли права, и, следовательно, регулируемые ими общественные отношения.

Юридические санкции относятся к категории правоохранительных средств. Сами эти средства достаточно многообразны, поскольку отражают разнообразие отступлений от правовых норм, нарушений их предписаний, правовых «аномалий» в общественной жизни. Участвуя в регулировании отношений, возникающих из нарушений правовых норм, юридические санкции взаимодействуют с иными правоохранительными средствами, направленными на защиту субъективных прав, с государственным принуждением к исполнению юридических обязанностей, но это не должно приводить к их смешению или отождествлению.

Отождествление в правовой науке и юридической практике санкций и иных правоохранительных средств ведет к необоснованному расширению границ института юридической ответственности. В то же время подмена санкций другими мерами правового воздействия, имеющими иные природу и назначение в механизме правового регулирования, снижает эффективность указанного института. Таким образом, необходимость выделения юридических санкций из массы разнообразных средств правовой охраны очевидна. Она диктуется потребностями законодательного совершенствования института юридической ответственности.

В общем, социологическом плане санкции рассматриваются как негативные (наказание, порицание), так и позитивные (поощрение, одобрение) средства регулирования и контроля поведения личности в социально значимых ситуациях, как средства, обеспечивающие конформное поведение членов общества, как реакции группы на поведение индивида.³

В законодательстве, правовой науке и юридической практике понятие «санкция» многозначно. Это: 1) утверждение высшей инстанцией какого-либо акта, придающее ему силу закона; 2) часть статьи нормативного акта, в которой указываются правовые последствия нарушения данного акта; 3) одобрение, разрешение.⁴ В первом случае под санкцией понимается особый способ социалистического правотворчества. Суть его в том, что компетентный государственный орган сбоям актом придает юридическое значение разработанному и принятому какой-либо общественной организацией либо государственным органом нормативному акту. В третьем случае санкция рассматривается как утверждение (или подтверждение) компетентным органом, должностным лицом законности какого-либо юрисдикционного акта (к примеру, санкция прокурора на арест или обыск). По существу, здесь речь идет не о санкции, а о санкционировании.

Любое нормативное правовое предписание, поскольку оно интегрируется в систему юридических норм, неизбежно приобретает общие, системные (интегративные) свойства. Одно из таких свойств — гарантированность, реализации правовых норм силой государственного принуждения (принудительность). Это означает, что любая норма может быть осуществлена принудительно, что аппарат государственного принуждения может заставить субъекта выполнить требование регулятивной нормы «наказать за ее нарушение».

Свойство принудительности, равно как и другие свойства права, основывается на определенных «материальных» носителях, содержащихся в самом праве. Одним из таких носителей, видимо, можно считать санкцию. Поэтому юридическую санкцию нельзя рассматривать в качестве атрибута правовой нормы, как полагает О. Э. Лейст.⁵ Именно

охрана мерами государственного принуждения, возможность применения таких мер и должны быть признаком любой нормы. Данный признак, как верно отмечает сам О. Э. Лейст, выражает неразрывную связь права и государства.⁶

Юридическая санкция — составная часть, элемент структуры юридических норм, но далеко не всех. Чтобы быть защищенной, иметь правовой характер, норма вовсе не обязательно должна включать санкцию.⁷

Б. В. Шейндлин высказал предположение, что «принудительная санкция составляет особый элемент содержания только тех норм, в которых конкретизированы способы или меры принуждения к их соблюдению».⁸ В принципе, эта мысль правильна, однако ее необходимо уточнить: государственное принуждение предусматривается не только нормами, содержащими санкции, но и нормами, состоящими из гипотез и диспозиций.⁹

Санкция — главный структурный элемент особой разновидности правовых норм — норм юридической ответственности. Они входят в арсенал охранительных средств социалистического права, рассредоточены почти по всем его отраслям, образуя в рамках последних более или менее развитые отраслевые институты. Структурно норма юридической ответственности есть сочетание гипотезы, описывающей противоправный юридический факт, и санкции, определяющей его последствия. При этом гипотезой данной правовой нормы описывается не всякий противоправный юридический факт, а лишь правонарушение.

Под правонарушением следует понимать далеко не любое нарушение интересов, охраняемых правом. «Как нет правонарушения при поражении субъективного права силами природы, — пишет С. В. Курылев, — так нет его и в случае невиновной деятельности человека. Право одинаково не в состоянии запретить, как камню падать на землю, так и случайно падать человеку. Право этого и не делает».¹⁰ Правонарушение — не просто объективно противоправное деяние (действие или бездействие) деликтоспособного лица, но обязательно субъективно виновное деяние, посягающее на отношения, регулируемые и охраняемые нормами социалистического права.

Правовые последствия объективно противоправных деяний (действий или бездействий), как и предусмотренные в праве меры защиты на случай наступления событий, нарушающих охраняемые правом интересы, нельзя считать юридическими санкциями, а их осуществление юридической ответственностью. Санкции предусматривают последствия только действительных правонарушений.

Вместе с тем неверно называть санкцией всякое неблагоприятное для правонарушителя последствие его деяния (например, не является

санкцией причинение преступнику телесных повреждений, совершенное в состоянии и в пределах необходимой обороны). Санкция есть предусмотренное в соответствующей правовой норме неблагоприятное последствие правонарушения, применяемое к правонарушителю компетентными государственными органами. Этот обязательный для всех санкций признак, а именно, что она реализуется в процессе правоприменительной деятельности юрисдикционных государственных органов и управомоченных общественных организаций, также позволяет отграничить юридические санкции от мер защиты субъективных прав. Дело в том, что часть таких мер может применяться самими потерпевшими (например, необходимая оборона, отказ от просроченного исполнения договора и т. п.).

Далее, санкции следует отграничить от тех неблагоприятных последствий, которые наступают для лица, не исполнившего юридические обязанности процессуального характера (надлежащее оформление сделок, соблюдение процессуальных правил, сроков). Несоблюдение или неисполнение подобных юридических правил не может влечь за собой применение санкций, поскольку такого рода «правонарушения» причиняют вред самим нарушителям. Санкцией же предусмотрены правовые последствия, которые наступают за неисполнение юридических обязанностей, обеспечивающих реализацию другими субъектами их прав на обладание, пользование и распоряжение социальными благами. Действительное правонарушение всегда причиняет вред интересам других лиц, нарушает их субъективные права, а санкция применяется к правонарушителю как специфическое средство государственного и правового воздействия.

По логике некоторых авторов, если существуют нарушения процессуальных норм, то должны существовать процессуальные санкции, а следовательно, и процессуальная ответственность. Причем в данном случае говорится о процессуальных нарушениях, существенно затрагивающих материально-правовые интересы субъектов. Такой позиции придерживаются, в частности, Н. А. Чечина и П. С. Элькинд. Они исходят из следующих посылок. «В условиях системности права, — указывают они, — правовые требования и дозволения могут обеспечиваться как средствами, типичными для данной отрасли права, так и средствами, характерными для других отраслей. Тем не менее, трудно представить себе существование отрасли права, worse не имеющей своих собственных средств обеспечения правовых требований и дозволений».¹¹

Действительно, в системе советского права практически нет отраслей, которые не располагали бы собственными охранительными средствами. Однако нельзя согласиться с мнением авторов, будто обязанность суда прекратить незаконно или необоснованно возбужденное производство по гражданскому делу (ст. 209 ГПК РСФСР) или обязанность суда в распорядительном заседании вернуть уголовное дело на доследование

в случаях, указанных в ст. 232 УПК РСФСР, являются процессуальными санкциями.¹² В первом случае мы имеем дело с мерой пресечения правонарушения, а во втором — с мерами предупреждения и пресечения одновременно. Соответствующие санкции здесь должны быть применены к тем должностным лицам, которые незаконно или необоснованно возбудили производство по гражданскому делу или не выполнили требований ст. 232 УПК РСФСР. В то же время неисполнение судом обязанностей, о которых идет речь, также образует правонарушение как основание дисциплинарной ответственности судей. Анализ других мер процессуального принуждения, которые характеризуются Н. А. Чечиной и П. С. Элькинд как процессуальные юридические санкции, также показывает их иные, нежели у санкций, природу и назначение. Так, принудительный привод есть не что иное, как принудительное средство, обеспечивающее исполнение субъектом процессуальной юридической обязанности. В конечном счете, все меры процессуального принуждения призваны обеспечить нормальный процесс реализации норм материального права. Если же нарушение процесса, как уже отмечалось, существенно нарушает или способно нарушить материальные правоотношения, опосредованные комплексом процессуальных правоотношений, то законодатель предусматривает за эти деяния юридические санкции. В качестве иллюстрации можно сослаться на ст. ст. 181 и 182 УК РСФСР, предусматривающие наказание за заведомо ложное показание или отказ (уклонение) от дачи показаний свидетелей и потерпевших. Эти санкции, разумеется, относятся к институту уголовной ответственности. Вместе с тем то, что процессуальные отрасли права не имеют собственных санкций, отнюдь не умаляет их роли и значения.

Точно так же нет достаточных оснований для конструирования государственно-правовых санкций и государственно-правовой ответственности.¹³

Юридические санкции и меры правовой защиты имеют ряд общих черт: 1) они предусмотрены охранительными нормами права; 2) реализуются в форме охранительных правоотношений; 3) неблагоприятны для тех, к кому применяются; 4) как правило, осуществляются при помощи мер государственного принуждения. Тем не менее, это различные правовые явления.

Меры правовой защиты — новая категория в юридической науке,¹⁴ включающая разнообразные средства которые обеспечивают осуществление субъективных прав, исполнение юридических обязанностей, т. е. процесс нормального возникновения, развития и реализации правовых отношений регулятивного типа. Это не что иное, как специальные юридические гарантии реализации субъективных прав граждан, правоспособности общественных организаций, компетенции государственных органов, суверенитета социалистического государства. Несомненно, развитие социалистической демократии, в частности,

расширение субъективных прав граждан, их обогащение повлечет развитие системы мер правовой охраны. Между тем и в нынешнем их состоянии меры защиты, предусмотренные различными отраслями права, изучены недостаточно.

Юридическими санкциями в собственном смысле слова являются дисциплинарные и административные взыскания, такие средства гражданско-правового воздействия, как штрафы, пени, неустойки. Кстати, последние необходимо четко отграничить от широкого круга средств охраны имущественных прав, предусмотренных нормами гражданского права. В этой связи справедливо утверждение О. А. Красавчикова, что сведение к санкциям, существующим в гражданском праве, всех способов воздействия на правонарушителей — «в лучшем случае сужает арсенал гражданско-правовых средств воздействия на общественные отношения».¹⁵ Такие отрасли советского права, как семейное, колхозное также имеют собственные санкции, хотя колхозно-правовые санкции есть по существу дисциплинарные взыскания.

Сущность любой юридической санкции в том, что ею предусмотрено штрафное, карательное воздействие, применяемое компетентными государственными органами и уполномоченными общественными организациями к правонарушителю. Поэтому юридическая санкция—часть нормы юридической ответственности, определяющая последствия правонарушения в виде наказания (кары) правонарушителя.¹⁶ Как и норма в целом, санкция есть идея, прообраз действительности, форма, которая наполняется социальным содержанием в результате государственно-властной организующей деятельности компетентных органов и должностных лиц. Причем деятельность, материализующая санкцию, специфична: она всегда направлена на ограничение правового и нравственного статусов лица, совершившего правонарушение.

Правильно сконструированная законодателем юридическая санкция содержит в качестве главного элемента элемент кары, наказания, причем этот элемент, доведенный до сознания потенциальных правонарушителей, должен быть стимулом для правомерного поведения. В противном случае конструкция, санкции оказывается дефектной, несовершенной, а норма юридической ответственности становится недостаточно эффективной. В частности, Г. А. Аксененок пишет: «Меры ответственности за нарушение природоохрнительного законодательства и причинение ущерба и вреда природе, если они и установлены законодательством, настолько незначительны, что просто не применяются административными и судебными органами. Именно в безнаказанности нарушителей справедливо усматривается главная причина... столь частого отступления от духа и буквы советского природоохрнительного законодательства».¹⁷ Содержание санкции может быть сведено к духовным (нравственным), личным (в том числе физическим), материальным

(имущественным), организационным неблагоприятным для правонарушителей последствиям их деяний. При этом возможны различные комбинации указанных элементов.

Санкция определяет вид и общие пределы наказания, которые конкретизируются, «дозированы» актом применения санкций в соответствии со всей совокупностью данных, характеризующих правонарушение и личность правонарушителя. Все юридические санкции применяются в более или менее развитых процессуальных формах, оснащенных необходимыми гарантиями прав гражданина.

В принципе юридические санкции можно реализовать без применения мер государственного принуждения. Однако в современной практике осуществление санкций, как правило, предполагает их применение. Юридические санкции как бы в самих себе содержат указания на государственное принуждение, поскольку иными, не принудительными, они и не мыслятся. Принудительны и разнообразны меры защиты — пресечение и предупреждение правонарушений, восстановление нарушенных субъективных прав, чрезвычайные административные и военно-административные меры, меры процессуального принуждения. Возможно, этот «общий знаменатель» служит одним из препятствий для разграничения юридических санкций и мер правовой защиты, их более глубокого изучения и совершенствования.

Некоторые меры защиты применяются, как и юридические санкции, на основании правонарушений и по отношению к правонарушителям. Так, если правонарушением причиняется имущественный или иной вред, последний должен быть возмещен за счет причинителя. Здесь параллельно применяются меры восстановления права и санкция. Или, скажем, принудительные меры пресечения правонарушений применяются тогда, когда совершаются правонарушения. В подобных случаях, чтобы отграничить санкции от иных мер, достаточно ввести критерий цели их применения.

Строго говоря, юридические санкции не являются мерами охраны правопорядка, поскольку они применяются в случае, если правопорядок уже нарушен. Правда, как уже отмечалось, еще до своего применения юридические санкции оказывают общепреventивное воздействие. Кроме того, правовые санкции, если широко трактовать понятие охраны правопорядка, можно характеризовать и как правоохранительные меры.

Санкция может быть мерой юридической ответственности, но не мерой государственного принуждения. Неточно в этой связи утверждение С. Н. Братуся, полагающего, что санкцией является прямое или подразумеваемое указание на меру государственного принуждения к исполнению юридической обязанности в натуре либо новой юридической обязанности, возникшей взамен первой обязанности, исполнение которой

стало невозможным.¹⁸ Если же определить санкции как «меры непосредственного государственного принуждения, применяемые для обеспечения реального исполнения правовых обязанностей или в виде кары за нарушение правовых запретов, либо иные последствия неисполнения нормы права»,¹⁹ то такое определение будет эклектичным.

Государственное принуждение — это совершаемое компетентными органами и должностными лицами властное воздействие в виде категорического предписания определенного поведения (психическое принуждение) либо в форме непосредственного воздействия («физическое» принуждение). Такой метод реализации государственных функций достаточно широко применяется именно в правоохранительной сфере для достижения различных целей, в том числе для реализации разнообразных мер защиты и осуществления наказания. Следовательно, соотношение государственного принуждения, с одной стороны, и правоохранительных средств, с другой — есть соотношение средства и целей.

Государственное принуждение уже потому неблагоприятно для лица, к которому оно применено, что означает действие вопреки воле данного субъекта, даже если оно реализуется в его собственных, хотя и неосознанных им интересах. Не благоприятность — объективное свойство государственного принуждения, для юридических же санкций не благоприятность — их истинная сущность. По этому критерию можно отграничить действительные юридические санкции от всех иных мер государственно-правового принуждения, выступающих в качестве средств охраны правопорядка.

Итак, санкция — структурный элемент нормы юридической ответственности. Она определяет вид и пределы наказания (кары) правонарушителя, применяется компетентными юрисдикционными органами на основании правонарушения, конкретизируется актом применения соответствующей нормы, реализуется, как правило, при помощи мер государственного принуждения, воздействует на правовой и нравственный статусы правонарушителя и преследует цель его исправления и перевоспитания, а тем самым — предупреждения правонарушений.

¹ Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 9.

² См.: Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975.

³ См.: Шепаньский Ян. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 105—108.

⁴ См.: Словарь иностранных слов. М., 1964, с. 575.

⁵ См.: Лейст О. Э. Указ, соч., с. 21.

⁶ См. там же, с. 13.

⁷ «Юридическая санкция не является элементом логико-юридической структуры правовой нормы, в то время как защита с помощью санкций обязательна для каждой правовой нормы», — пишет Г. Бойчев (Г. Боичев. Санкция та в правната система на Народна Република България. София, 1972, с. 98).

⁸ Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Л., 1969, с. 94.

⁹ См.: Самошенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960, с. 72.

¹⁰ Курылев С. В. Санкция как элемент правовой нормы. — «Советское государство и право», 1964, № 8, с. 58.

¹¹ Чечина Н. А., Элькинд П. С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности. — «Советское государство и право», 1973, № 9, с. 34.

¹² См. там же, с. 36.

¹³ См.: Авакьян С. А. Санкции в советском государственном праве. — «Советское государство и право», 1973, № 11.

¹⁴ См.: Ардашкин В. Д. Меры защиты как общеправовая научная категория. — В кн.: Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974, с. 162—166.

¹⁵ Красавчиков О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве. — В кн.: Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты, гражданских прав. Свердловск, 1973, с. 9.

¹⁶ См.: Томашевский Н. П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. — В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 244—245.

¹⁷ Аксененок Г. А. Юридические аспекты охраны природы и рационального использования природных ресурсов в СССР. — «Правоведение», 1974, № 5, с. 13.

¹⁸ См.: Братусь С. Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности. — «Советское государство и право», 1973, № 4, с. 29—30.

¹⁹ Самощенко И. С. Указ, соч., с. 72.

Рекомендована

кафедрой теории и истории государства и права

Красноярского университета